

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗМА И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ НЕЙТРАЛЬНОСТЬ МИНИМАЛИСТСКОГО ПОНЯТИЯ ИСТИНЫ

Работа выполнена при поддержке Совета по грантам Президента РФ, проект № НШ 5887.2008.6.

В статье дается экспозиция проблемы существования ненаблюдаемых теоретических фактов и рассматривается вопрос о возможности ее решения в минимализме П. Хорвича, фиксирующего эпистемологическую нейтральность проблем истины по отношению к спору реализма/антиреализма.

Ключевые слова: реализм; антиреализм; истина; минимализм.

В попытке дать ответы на вопросы о том, *что* есть мир и *как* он устроен, философы претендуют на истинность своих утверждений о реальности. В противном случае философия утрачивает общезначимость того, чем она занимается. Такое понимание философской деятельности отчасти эксплицирует традиционную и практически общепризнанную мировоззренческую позицию, согласно которой возможность познания внешнего по отношению к нам (выходящего за пределы сознания) мира в значительной степени определяется нашей способностью фиксировать посредством языка факты об окружающей действительности. Кроме того, предполагается, что предложения, описывающие эти факты, должны быть истинными или ложными, в зависимости от того, насколько совершенны в соответствующий момент времени применяемые нами средства познания. Такова точка зрения здравого смысла, лежащего в основе позиции реализма, который в общем случае исходит из двух основных тезисов:

1. Мир состоит из автономных (независимых от сознания) фактов.

2. Факты доступны для познания (приобретения нами знаний об их существовании).

Ключевым и, пожалуй, самым проблематичным в позиции реализма оказывается понятие 'факт', рассмотрение которого выходит за рамки настоящей статьи (обсуждение проблем факта см., например, в [1, 2]).

Противоположной реализму позицией является антиреализм, указывающий на несовместимость представления об автономности фактов с представлением об их доступности для познания. Антиреализм, по сути, представляет собой философскую критику реалистских представлений, которая позволяет улучшать существующие концепции в самых разнообразных областях познания: математике, физике, эстетике и др. В современной философии имеется целый комплекс проблем, объединенных под общим названием «спор реализма/антиреализма» [3, 4].

В чем же именно состоит проблема реализма? Вслед за современным британским философом и логиком Полом Хорвичем [5] обратимся к экспликации этой проблемы в философии науки. Здесь спор может касаться ненаблюдаемых теоретических фактов, вроде тех, которые постулируются в физике элементарных частиц (электронов, протонов и др.). Реалист утверждает, что физические теории элементарных частиц более или менее правдоподобны, в зависимости от того, насколько формулируемые в них утверждения согласуются с данными экспериментов и сложившейся научной парадигмой. В свою очередь, это дает основание

быть уверенным в том, что та или иная научная теория истинна и что постулируемые теорией объекты реально существуют, а утверждения теории описывают факты. Однако в случае с физической теорией элементарных частиц реалист вынужден признать, что формулируемые в теории утверждения касаются ненаблюдаемых фактов. Несмотря на это, теоретические факты существуют независимым от нас образом. Согласно же антиреалисту такие во многом основанные на здравом смысле взгляды несостоятельны. Он не способен видеть, каким образом теоретические факты, с одной стороны, находятся в пределах досягаемости научных методов познания, а с другой – существуют независимо от них. Таким образом, «для научного антиреалиста парадигма знания состоит из *наблюдаемых* фактов, которые считаются зависимыми от человеческих способностей» [5. С. 189]. Ибо как возможно постигнуть ненаблюдаемые теоретические факты, да еще и приписывать им реальное существование? Антиреалист видит непреодолимую трудность в том, чтобы было возможным согласовать друг с другом обозначенные выше тезисы 1 и 2. Имеется несколько разновидностей антиреализма, которые отличаются друг от друга в зависимости от того, какой из тезисов реалистской позиции требуется поставить под вопрос.

Логический позитивизм разрешает проблему реализма тем, что приносит в жертву тезис об автономности фактов. Утверждается, что теоретические выражения определены в терминах выражений наблюдения, т.е. теоретические факты есть подмножество наблюдаемых фактов. В таком виде предстает программа редукционизма Венского кружка, в частности у Р. Карнапа [6]. С другой стороны, ван Фраазен [7] отказывается скорее от доступности, чем от автономности. Теоретические утверждения не сводимы к терминам наблюдения и, следовательно, они недоказуемы на основании поддающегося наблюдению знания. Итогом такого объяснения становится скептицизм в отношении возможности познания постулируемых теорией ненаблюдаемых объектов. Именно в силу невыводимости научных теорий из фактов ван Фраазен отрицает, что знание теоретических фактов возможно. Третья реакция на утверждаемую несогласованность тезисов реализма демонстрируется П. Дюгеймом и инструменталистами [8]. Они признают ошибочность редукционизма, однако полагают, что проблема не столько в *знании* теории, сколько в самой его *доступности*, в его статусе как потенциально истинного или ложного. Отрицая, что формулируемые в научных теориях утверждения имеют фактуальное содержание, инструменталисты

вместе с тем приходят к выводу, что нет отдельной области теоретических фактов. Тем самым под вопрос ставится не просто автономность теоретических фактов, а сама возможность их существования. Основания для четвертой разновидности антиреализма предстают в конструктивизме М. Даммита [9] (хотя в работе нет прямого применения его идей к философии науки), который признавал бы возможность существования фактов, выходящих за пределы того, что может быть сведено к фактам наблюдения, но отрицал бы возможность существования фактов, которые не могли бы быть обнаружены. Конструктивизм приводит к отрицанию автономности каких бы то ни было фактов, которые существуют только благодаря тому, что они доступны для нашего познания.

Таким образом, спор реализма/антиреализма в философии науки, согласно П. Хорвичу [5. Р. 190], может быть охарактеризован следующим образом. Реалист различает: (i) непосредственно наблюдаемые факты; (ii) факты, редуцируемые по определению к наблюдаемым; (iii) пока что ненаблюдаемые, но верифицируемые теоретические факты; и (iv) в принципе ненаблюдаемые теоретические факты. Однако с точки зрения антиреалиста такая классификация сталкивается с непреодолимой трудностью согласования автономности и доступности теоретических фактов. Скептики пытаются преодолеть эту трудность утверждением принципиальной недоступности для познания ненаблюдаемых фактов, признавая, однако, их независимое существование. Редукционисты, наоборот, ставят под вопрос автономность теоретических фактов, сводя их к наблюдаемым. Инструменталисты приходят к отрицанию самого существования теоретических фактов. Конструктивисты же признают существование только тех фактов (как наблюдаемых, так и ненаблюдаемых), которые доступны для познания. Так или иначе всех научных антиреалистов объединяет то, что они стремятся минимизировать количество утверждаемых теорией фактов и тем самым максимизировать их качество, которое, в конечном счете, зависит от познавательных способностей человека.

Важно отметить, что в общем случае спор между реалистами и антиреалистами сводится не столько к вопросу о том, существуют или не существуют объекты, постулируемые научной теорией, сколько к вопросу о том, что определяет их существование. Существуют ли они независимо от нашей возможности их познать или же они существуют только благодаря самой нашей способности их фиксации? Подобная постановка привела бы нас к вечной философской проблеме того, что такое существование, и многим другим вопросам, выходящим за пределы данной статьи. Здесь же нас интересует несколько другой вопрос. Для того чтобы его сформулировать, обратимся к обозначенному выше тезису 2, который, казалось бы, в качестве своего следствия требует от нас принятия определенного критерия истинности наших знаний о мире. Другими словами, как только мы признаем автономное существование фактов мира, требуется установить критерий, который позволил бы нам судить о том, истинны ли предложения, описывающие эти самые факты. Будучи антиреалистом, мы можем не признавать их

автономности, но всё-таки вынуждены сформулировать какой-либо критерий, согласно которому одни предложения будут считаться нами истинными, а другие – ложными. Так начинается традиционное связывание проблемы реализма с проблемой истины. Вопрос, который в связи с этим нас интересует, заключается в следующем: обязывает ли принятие того или иного критерия истинности наших знаний придерживаться реалистской или антиреалистской позиции в вопросе о том, существует ли внешний мир? Для того чтобы ответить на этот вопрос, требуется прояснить по крайней мере два момента. Во-первых, что понимается под критерием истинности или, более классически, что есть истина. Во-вторых, к чему приводит признание реалистской или антиреалистской точки зрения в вопросе о существовании внешнего мира. Второй момент отчасти был прояснен выше, и следует признать, что никакого значимого отношения к тому, каким должен быть критерий истинности наших утверждений о мире, он не имеет. Поскольку, как было показано на примере ненаблюдаемых теоретических фактов, базовой проблемой в споре между реализмом и антиреализмом является не вопрос о том, истинно ли то, что мир существует независимо от нас, а вопрос о том, *что* определяет его существование. Конечно, в итоге нам требуется *истинный* ответ, однако это проблема истины, а не проблема реализма. Теперь займемся прояснением первого момента, т.е. вопроса о том, что же такое истина.

К настоящему времени сложился достаточно широкий спектр теорий истины, которые конкурируют между собой. Приверженцы каждой из них пытаются по-своему определить понятие «истина». Так, согласно корреспондентной теории (Платон, Аристотель, Б. Рассел и др.), истина есть соответствие мыслей действительности. В рамках прагматизма (У. Джеймс, Дж. Дьюи, Ч. Пирс и др.) полезность и практическая эффективность наших знаний принимается в качестве критерия их истинности. Представители когерентной теории истины (М. Шлик, Р. Карнап, Х. Патнэм и др.) утверждают, что изолированное утверждение не может быть истинным или ложным само по себе, оно становится таковым лишь в рамках некоторой совокупности других утверждений. Ни одна из этих теорий не проблематизирует саму оправданность попыток определения истины и уж тем более не ставит задачу устранения понятия «истина» из теоретико-познавательного контекста. Между тем на сегодняшний день широкое распространение получает эпистемологический проект элиминации истины, призванный показать, что это понятие является избыточным. Сторонники такого проекта (Ф. Рамсей, Дж. Айер, У. Куайн и др.), получившего название «дефляционная теория истины», считают, что истина не имеет никакой природы, кроме той, которая схватывается в обычных утверждениях типа «снег бел» истинно тогда и только тогда, когда снег бел». Последнее утверждение является частным примером широко известной схемы эквивалентности А. Тарского [10], внесшего значительный вклад в прояснение проблем истины благодаря привлечению в ее анализ логико-математического аппарата.

В силу большого разнообразия теорий дефляционного типа представляется затруднительным их исчер-

пывающее рассмотрение в рамках данной статьи. Поэтому ограничимся краткой экспликацией понятия истины в одной из наиболее распространенных разновидностей дефляционизма – в минимальной теории П. Хорвича. Минимализм представляет собой теорию, которая формулируется посредством бесконечной конъюнкции следующего вида: «Пропозиция, что кварки действительно существуют, истинна тогда и только тогда, когда кварки действительно существуют; пропозиция, что ложь дурна, истинна тогда и только тогда, когда ложь дурна... и т.д.» [11. С. 5]. В более кратком выражении минимальная теория предстает в виде следующей схемы:

(MT) $\langle p \rangle$ является истинным тогда и только тогда, когда p ,

где $\langle p \rangle$ обозначает пропозицию, что p . Под пропозициями Хорвич понимает «вещи, в которые верят, которые утверждают, которые предполагают и т.д.; содержания таких состояний (например, что Оскар был голоден в полдень первого января 1988 года)» [11. Р. 16]. То есть пропозиция в данном случае понимается как содержание некоторого утверждения. Схема (MT) во многом основывается на семантической концепции Тарского, который формулирует «эквивалентность вида T » (Конвенцию T): $(T) X$ является истинным тогда и только тогда, когда p , где « X » – это имя предложения p [10. С. 95]. Тарский отказывается от «пропозиции», поскольку считает это понятие неясным. Предложения довольно легко определяются, пропозиции же метафизичны по своей сути. Предложения являются физическими объектами, форма которых определяется синтаксическими правилами. Такого рода объекты («предложения») Тарский называет «конкретными, структурно-описательными выражениями» [12. С. 24], то есть это в буквальном смысле материальные объекты. Истина же «выражает свойство (или обозначает класс) определенных выражений, а именно предложений» [10. С. 96]. Однако то, в каком смысле говорит о предложениях Тарский, исключает большое множество контекстно-зависимых высказываний, т.е. таких, истинностное значение которых определяется исходя из контекста: например, такое предложение, как «Я голоден». Поэтому следует помнить, что семантическая концепция истины разрабатывалась Тарским исключительно для формализованных языков, которые не содержат никаких интенциональных выражений (то есть тех, которые зависят от контекста: местоимения, демонстративы и др.). Хорвич же в качестве основания для схемы эквивалентности выбирает пропозицию, а не предложение. Выбор в качестве носителей истинности таких нелингвистических абстрактных вещей, как пропозиции, неслучаен и связан с попыткой распространить семантическое определение истины не только на формализованные, но и на естественные языки.

Однако насколько оправдано использование в качестве носителей истинности именно пропозиций? И не предстают ли пропозиции в данном отношении своего рода ненаблюдаемыми теоретическими объектами, существование которых можно было бы поставить под вопрос? Действительно, можно допустить, что, утверждая в качестве носителей истинности такие «сомнительные» сущности, как пропозиции, Хорвич сам попа-

дает в ловушку спора реализма и антиреализма. И тогда проблема истины оказывается тесно связанной с проблемой объективного существования пропозиций как содержаний наших утверждений – проблемы реализма, которая хотя и определяет решение проблемы носителей истинности, тем не менее эпистемологически нейтральна по отношению к вопросам о том, что представляет собой предикат истины. В качестве свойства предложений/пропозиций истина нужна не более чем для того, чтобы использоваться при формулировке эквивалентностей типа (T) или (MT). Этим ограничивается назначение истины как логического средства обобщения. Тогда, вслед за Хорвичем, можно было бы утверждать, что «традиционные теории, которые отождествляют истину с тем или иным анализируемым сложным свойством (таким как соответствие с реальностью, когеренция, прагматическая полезность или доказуемость), ошибочны. Ибо тривиальная схема эквивалентности была бы необходимой и достаточной для истинностного предиката, чтобы выполнить его назначение, и дало бы адекватное имплицитное определение ‘истинного’. Здесь не было бы основания ожидать какого-то дальнейшего отчета о ‘том, что есть истина’ – не было бы основания полагать, что истина имеет ‘основополагающую природу’, которую остается охарактеризовать» [5. С. 192].

Но всё-таки как такое понимание минимальной роли предиката истины способно сделать его эпистемологически нейтральным по отношению к принятию той или иной позиции в споре реализма и антиреализма? Хорвич считает, что принятие или отвержение представленного им минималистского понятия истины никоим образом не определяет решение вопроса о том, какой из сторон в споре реализма следует придерживаться. То же самое верно и в отношении известных теорий истины. Например, утверждается пропозиция, что существует бесконечно много звезд. Ее истинность, согласно традиционным теориям, определяется либо соответствием действительности, либо согласованностью с другими пропозициями, либо чем-то еще. Какой бы критерий истинности ни был в данном случае принят, он, по меньшей мере, должен предполагать схему эквивалентности «Пропозиция, что p , истинна, если, и только если, p », т.е. отвечать логическому закону тождества – одного из основополагающих (наряду с законами непротиворечия и исключенного третьего) для нашего мышления. Но какой бы из этих критериев (в том числе и дефляционный) мы ни предпочли, это не влияет на то, станем ли мы, будучи реалистами, утверждать, что факт существования бесконечного числа звезд не зависит от нашего сознания, или же заявлять обратное. Как пишет Хорвич, «не только *верный* отчет об истине (а именно дефляционизм) абсолютно нейтрален относительно реализма, но даже если принимаются, как я предположил, *неверные* точки зрения на истину (корреспондентный или когерентный отчеты), было бы далее ошибочным считать, что какой-то из эпистемологических или метафизических спорных вопросов, которые составляют спор о реализме, был бы разрешен» [5. С. 193]. Схожей точки зрения придерживался Тарский, когда писал, что «мы можем принять семантическую концепцию истины, не отказываясь от

своей эпистемологической позиции: мы можем оставаться наивными реалистами, критическими реалистами или идеалистами, эмпириками или метафизиками и кем угодно. Семантическая концепция полностью нейтральна по отношению ко всем этим позициям» [10. С. 118].

Конечно, можно было бы продолжать настаивать на том, что принятие того или иного критерия истинности имеет решающее значение в признании факта существования бесконечного числа звезд или каких-либо еще фактов. Тем не менее ясно, что ни один из имеющихся на сегодняшний день отчетов об истине не способен дать окончательное обоснование существования ненаблюдаемых теоретических фактов. Скорее наоборот, из установленного научными средствами факта существования, например такого теоретического объекта, как электрон, следует истинность утверждения о том, что электрон имеет отрицательный заряд. А вопрос об истинности того, что электрон существует, не может быть решен только на том основании, что нам кажется достаточно убедительной корреспондентная, когерентная или любая другая теория истины. Но если мы признаем равнозначность критериев истинности в споре реализма, то ни один из них не может стать определяющим в решении вопроса об автономном существовании каких бы то ни было фактов. Самым радикальным следствием этого стало бы указание на неразрешимость проблемы реализма, что, в свою очередь, существенно ограничивало бы возможности познавательных способностей человека. Однако эта позиция требует дополнительного обоснования. Пока что приходится признать следующее. Во-первых, проблема истины на сегодняшний день не имеет прямого решения. Более того, с точки зрения дефляционизма, она и не может иметь такого решения, ибо назначение понятия истины сводится к его роли в логической схеме эквивалентности вида (Т) или (МТ). Во-вторых, проблемы реализма и истины по отношению друг к другу эпистемологически ней-

тральны. Вряд ли здесь приходится говорить о том, что, как считает Хорвич, «проблемы реализма и истины совершенно независимы друг от друга» [5. С. 188], поскольку, так или иначе, каждый из нас претендует на истинность своих утверждений о действительности. Обоснованность этих утверждений во многом определяется тем, каковы значения составляющих их слов. Не касаясь проблемы того, что является значимым языковым выражением, мы вынуждены признавать их соотношенность с *реальным* положением дел, которое не может быть истинным или ложным, но лишь в определенной степени очевидным.

Затрагивая вопрос эвристической ценности вывода об эпистемологической нейтральности проблемы истины по отношению к проблеме реализма, следует отметить, что одним из значимых следствий такого понимания отчасти стало бы тривиальное утверждение о том, что не всё то, что мы считаем истинным, существует на самом деле. Существование или несуществование ненаблюдаемых теоретических объектов не определяется принятием или непринятием определенного критерия истинности. Такого рода тривиальность способна ограничить или показать несостоятельность ряда вопросов, волнующих тех философов, которые втянуты в дебаты между реализмом и антиреализмом. Одним из таких вопросов является вопрос о том, существуют ли на самом деле ненаблюдаемые теоретические факты. Будучи сформулированным именно в таком виде, он, казалось бы, оказывается тесно связанным с вопросом о критериях истинности. Однако логические схемы эквивалентности вида (Т) или (МТ) фиксируют нейтральность теорий истины по отношению к сложившимся на сегодняшний день эпистемологическим позициям. Несмотря на это, нельзя говорить и о полной безотносительности проблем истины по отношению к спору реализма и антиреализма, поскольку утверждения обеих сторон претендуют на собственную истинность, вопрос о критериях которой требует специального анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мерзон Л.С. Проблемы научного факта. Л., 1972.
2. Флек Л. Возникновение и развитие научного факта. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.
3. Fine A. And Not Anti-Realism Either // *Noûs*. 1984. Vol. 18, № 1. P. 51–65.
4. Leplin J. *Scientific Realism*. Berkeley: University of California Press, 1984.
5. Horwich P. Realism and Truth // *Noûs*. 1996. Vol. 30, № 10. P. 187–197.
6. Carnap R. *The Logical Structure of the World*. Berkeley: University of California Press, 1969.
7. Van Fraassen B.C. *The Scientific Image*. Oxford: Clarendon Press, 1980.
8. Duhem P. *The Aim and Structure of Physical Theory*. Princeton: Princeton University Press, 1954.
9. Dummett M. *Truth and Other Enigmas*. London: Duckworth, 1978.
10. Тарский А. Семантическая концепция истины и основания семантики // *Аналитическая философия: становление и развитие (антология)*. М.: Дом интеллектуальной книги; Прогресс-Традиция, 1998. С. 90–129.
11. Horwich P. *Truth*. Oxford: Clarendon Press, 1998.
12. Тарский А. Понятие истины в языках дедуктивных наук // *Философия и логика Львовско-Варшавской школы*. М.: РОССПЭН, 1999.

Статья представлена научной редакцией «Философия, политология, социология» 20 ноября 2008 г.